

mark
shagal

Franc Chayall

Д Ж Е К К И В У Л Ь Ш Л Е Г Е Р

шагал

ИСТОРИЯ СТРАНСТВУЮЩЕГО
ХУДОЖНИКА

Москва
2019

УДК 75:929 Шагал М.
ББК 85.143(3)-8 Шагал М.
В88

Jackie Wullschlager
CHAGALL: LOVE AND EXILE

Original English language edition first published
by Penguin Books Ltd, London

Text Copyright © Jackie Wullschlager 2010.
The author has asserted her moral rights. All rights reserved

Вульшлегер, Джекки.

В88 Шагал. История странствующего художника / Джекки Вульшлегер ; [пер. с англ. К. А. Сошинской]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. — (Судьбы гениев. Незданные биографии великих людей).

ISBN 978-5-699-52273-6

Перед вами уникальная биография Марка Шагала — художника и поэта, русского и француза, одного из самых известных авангардистов XX века. Судьба великого артиста неотделима от его творчества: за 98 лет своей жизни Шагал успел сменить несколько городов и стран, но всегда продолжал творить, он продолжал рисовать улочки родного Витебска и любимую жену Беллу.

В этой книге собраны интервью с близкими Шагала и архивы, в том числе коллекция писем и бумаг Шагала, до настоящего времени неизвестных ученым. Она дает недвусмысленный ответ на многие вопросы, связанные с жизнью и творчеством художника и его взглядами на мир и искусство.

УДК 75:929 Шагал М.
ББК 85.143(3)-8 Шагал М.

ISBN 978-5-699-52273-6

© Сошинская К. А. Перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Васе Чауце

Содержание

Благодарность	7
Пролог	11

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Россия

<i>Глава первая.</i> «МОЙ ГРУСТНЫЙ И ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД». Витебск 1887—1900	19
<i>Глава вторая.</i> У ПЭНА. Витебск 1900—1907	42
<i>Глава третья.</i> ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД. Санкт-Петербург 1907—1908	61
<i>Глава четвертая.</i> ТЕЯ. Витебск и Санкт-Петербург 1908—1909	83
<i>Глава пятая.</i> БЕЛЛА. Витебск 1909	102
<i>Глава шестая.</i> ЛЕОН БАКСТ. Санкт-Петербург 1909—1911	115
<i>Глава седьмая.</i> «SURNATUREL!» Париж 1911—1912	138
<i>Глава восьмая.</i> БЛЕЗ САНДРАР. Париж. 1912—1913	162
<i>Глава девятая.</i> «СВЕТЛЫЙ МОЙ ГЕНИЙ». Париж 1913—1914	183
<i>Глава десятая.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. Витебск 1914—1915	197
<i>Глава одиннадцатая.</i> ЖЕНАТЫЙ МУЖЧИНА. Петроград 1915—1917	212
<i>Глава двенадцатая.</i> КОМИССАР ШАГАЛ И ТОВАРИЩ МАЛЕВИЧ. Витебск 1917—1920	234
<i>Глава тринадцатая.</i> «ШАГАЛОВСКАЯ КОРОБОЧКА». Москва 1920—1922	267

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Изгнание

<i>Глава четырнадцатая.</i> «ШТУРМ». Берлин. 1922—1923	291
<i>Глава пятнадцатая.</i> «МЕРТВЫЕ ДУШИ». Париж 1923—1924	308

ЭЖЕККИ ВУЛЬШЛЕЗЕР

Глава шестнадцатая. «LUMIÈRE-LIBERTÉ». Париж 1924—1927	325
Глава семнадцатая. ПРОРОКИ. Париж 1928—1933.....	350
Глава восемнадцатая. СТРАНСТВУЮЩИЙ ЕВРЕЙ. Париж 1934—1937	370
Глава девятнадцатая. БЕЛОЕ РАСПЯТИЕ. Париж и Горд 1937—1941	386
Глава двадцатая. АМЕРИКА. Нью-Йорк 1941—1944.....	410
Глава двадцать первая. ВИРДЖИНИЯ. Нью-Йорк и Хай Фоллс 1944—1948	434
Глава двадцать вторая. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВРОПУ. Оржеваль и Ванс 1948—1952	462
Глава двадцать третья. ВАВА. Ванс 1952—1960	491
Глава двадцать четвертая. ДЕСЯТИЛЕТИЕ БОЛЬШОЙ СТЕНЫ. Ванс и Сен-Поль 1960—1970	512
Глава двадцать пятая. «Я БЫЛ ХОРОШИМ ХУДОЖНИКОМ, ПРАВДА?» Сен-Поль 1971—1985	532

Мерет Шагал

Благодарность

Я чрезвычайно обязана Мерет Мейер-Грабер, внучке Шагала, без которой эта книга не была бы написана. Во-первых, я хотела бы поблагодарить ее за исключительное великодушие и доверие, с которыми она позволила мне ознакомиться с архивами Марка и Иды Шагал, в том числе с коллекцией писем и бумаг художника, до настоящего времени не известных ученым, и за то, что мне была предоставлена свобода приводить цитаты из этих текстов и интерпретировать их. Мерет также предоставила в мое распоряжение огромное количество рисунков, картин, эскизов и фотографий, находящихся в семейном архиве, многие из которых никогда не публиковались; к тому же она сделала чрезвычайно великодушный жест, отказавшись от оплаты за их репродуцирование в этой книге, что стоило бы неимоверно дорого. Я так обязана Мерет, что у меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность. Кроме того, мне были очень полезны ее воспоминания о дедушке, ее пронзительное осознание семейной идентичности, ее ощущения искусствоведа, а также ее теплое гостеприимство. Все это вместе возродило парижское окружение Шагала.

В семейном архиве Шагалов меня ожидало открытие — переписка между Шагалом и его первой женой Беллой, чье участие в его творчестве, начиная с 1909 года и до конца ее дней, и особенно желание сохранить для него в изгнании Россию оказали на меня свое определенное воздействие. Исследуя роль Беллы, я дополняла информацию, сохранив-

ДЖЕККИ ВУЛЬШЛЕЗЕР

шуюся в письмах, беседами с ее племянницей Беллой Зельцер, которая оказала огромную, очень ценную помощь, предоставив мне возможность ознакомиться с бумагами и фотографиями, касающимися истории семьи Розенфельдов в Витебске.

За детали, касающиеся второй половины жизни Шагала, я больше всего благодарна покойной Вирджинии Хаггард-Лейренс. Во время наших встреч она показывала мне множество своих писем, фотографий и эскизов, мы разговаривали о тех годах, когда она была спутницей Шагала. Рассказы дочери Вирджинии Джин Мак-Нил о том периоде их жизни тоже оказались чрезвычайно полезны.

Каждый, кто пишет о Шагале, оказывается в неоплатном долгу перед двумя основополагающими работами, которые помогают понять его творчество. Первая — книга о художнике, написанная его друзьями Абрамом Эфросом и Яковом Тугендхольдом, которая была опубликована в Москве в 1918 году. Вторая — не имеющее себе равных художественно-историческое исследование зятя Шагала Франца Мейера, впервые изданное в Германии в 1962 году. Я также обращалась к мемуарам Шагала «Моя жизнь», вышедшим во Франции в 1931 году. Книга Бенджамина Харшава «Марк Шагал и его время: документальное повествование» (2005) — первое собрание большинства писем, написанных на идише; и работа о ранних годах художника, написанная Яковом Бруком, архивистом Третьяковской галереи, и опубликованная в каталоге большой выставки Шагала в 2005 году в Третьяковской галерее, также оказались весьма полезны в моей работе.

Я в особом долгу перед невероятно знающей и очень доброй Миртией Жирар из Комитета Марка Шагала в Париже, определившей сюжеты почти всех иллюстраций; перед Жан-Луи Пратом, президентом Комитета и бывшим директором Фонда Маг, позволившим мне воспользоваться его воспоминаниями о Шагале; еще я в долгу перед Сен-Поль де Ванс за гостеприимство, перед Хилари Сперлинг, которая читала мою рукопись и была верным, чутким энтузиастом, вдохновляющим и поддерживающим меня от начала и до конца моей работы.

Мои издатели Стюарт Проффитт и Чарльз Элиот в издательстве *Knopf* и мой агент и друг Кэрол Хитон отнеслись ко мне с пониманием и внимательностью. Во время создания книги они, не дрогнув, как добрые

товарищи приняли то, что для завершения книги потребовалось больше времени, чем изначально предполагалось. Хочу также выразить свою благодарность Сесилии Маккей и Филиппу Берчу из издательства *Penguin* и Лесли Левин и Эндрю Дорку из издательства *Knopf*. В *Financial Times* мне повезло с двумя изумительными художественными редакторами Яной Дэлли и Лорной Доулан, которые дали мне умные советы и предоставили исключительную возможность идти своей дорогой.

Ученые, кураторы, галеристы и библиотекари всего мира на всех стадиях моей работы великодушно оказывали помощь, делились информацией или воспоминаниями о Шагале: Руфь Биич в Еврейском музее Нью-Йорка; покойный Хейнц Берггрюен, основатель Музея Берггрюена, Берлин; Жан-Мишель Форэ, бывший директор музея «Библейское послание Марка Шагала», Ницца; Дженнифер Фрэнсис из Королевской академии, Лондон; Мириам Хеффль из Немецкого литературного архива в Марбахе, которая любезно копировала переписку Шагала с дочерью; Тамара Карандашева, заведующая отделом Национального художественного музея, Минск; Людмила Хмельницкая, директор Музея Марка Шагала, Витебск; Мария Либерман из Международного центра русских и восточноевропейских еврейских исследований, Москва; Флоренс ле Монг из Объединения государственных музеев, Париж; Вера Морякина из Европейского университета в Санкт-Петербурге; Норманн Розенталь, бывший секретарь выставок Королевской академии, Лондон; Евгения Петрова из Государственного Русского музея, Санкт-Петербург; Гай Пикарда из Белорусской библиотеки Франциска Скорины, Лондон; Екатерина Зеленцова из Государственной Третьяковской галереи, Москва; Лели Солемани из Музея Гуггенхайма, Нью-Йорк; Аннете Вебер, профессор еврейской истории искусств из Высшей школы для еврейских студентов, Гейдельберг; Сет Уолитц, профессор иудейских исследований из Университета Остина в Техасе; работники Британской библиотеки приложили героические усилия, чтобы помочь мне найти и заказать материал, опубликованный в России.

Мои русские друзья Дмитрий Смирнов, Елена Фирсова и Филипп Фирсов оказались незаменимыми переводчиками с необъятными познаниями в русской культуре. Энтузиазм Жерара и Элисон Мак-Барни в самом начале моей работы стал маяком для стимуляции и убеждения

ДЖЕККИ ВУЛЬШЛЕГЕР

всех ученых, стремящихся познать все, что касается России. Элизабет Мак-Келлар ободряла меня и внушала веру в проект в моменты сомнений. Непрестанная поддержка со стороны Алистер Маккалоу и ее существенные замечания принесли большую пользу книге. Еще я очень благодарна за осмысленные советы, помощь и способность проникнуть в суть работы Алэну де Биевра, Кристоферу Кэннеллу, Терезе Чиккано, Луизе Гейл, Роберту Гресковичу, Марку и Саре Холфорд (за их щедрое гостеприимство в Кап-Ферра), Ховарду Ходжкину, Роберту Хьюзу, Иану Джакку, Раулю Джакобу, Николетт Джонс, Неле Лодола, покойному Хайяму Маккоби и Синтии Маккоби, Веронике Маррис, монсьёру Клаусу Майеру из собора Святого Стефана, Майнц, Вернеру Мерцбахеру, Сэму и Тесс Нейман, Ричарду Натансону, Мартину и Катерине Роджер (за допуск в собор Всех Святых, Тьюдли), Ребекке Роуз, Наташе Семеновой, Наташе Сталлер, Деборе Стейнер, Энди Стерну, Дэниэлу и Зехаве Тауб и Дэвиду Вону.

Я испытывала большой интерес к Шагалу в течение нескольких десятилетий и многие свои идеи обсуждала с отцом, Гюнтером Вульшлегером, уже перед его смертью, и с матерью, Марией Вульшлегер, чья преданность и практическая поддержка, начиная с чтения гранок и заканчивая изучением немецких текстов, никогда не ослабевали. Больше всего я благодарю ее и своих детей: Наоми Кэннелл — за веселую компанию во время множества поездок, связанных с Шагалом, когда ее спокойствие и дипломатичность смягчали трудности, возникавшие в дороге; Зою Кэннелл — за долгие беседы о людях и об искусстве, которые обогащали мое восприятие и того и другого; Рафаэля Кэннелла — за разъяснение отношений между матерью и сыном. Именно их Шагал считал лежащими в основе своего искусства.

Но эту книгу нельзя было бы начать, продолжить и закончить без моего мужа, Уильяма Кэннелла. Когда я писала ее, то делилась с ним всеми мыслями, надеждами и проблемами, а он не позволял мне поддаваться неуверенности и всегда был для меня *l'amor che move il sole e l'altre stelle*¹.

¹ Любовью, которая движет Солнцем и другими звездами (*um.*).

Марк Шагал

Пролог

Знойным июньским днем 1943 года в маленькой квартире на 74-й Восточной улице Манхэттена собрались четверо русских евреев: художник, его жена-писательница, актер и поэт. Двое только что прибыли в Нью-Йорк из Москвы с беспрецедентным дипломатическим визитом; двое других недавно бежали из оккупированной Франции. Все они родились в конце XIX века у границ царской империи и были давнишними близкими друзьями. Теперь они с жаром вспоминали о своем сотрудничестве в искусстве в России 20-х годов. Попивая чай с джемом, друзья оживленно говорили о продвижении нацистов по Восточной Европе и о своих надеждах на то, что Красная армия их остановит; о своих родных, пропавших или скрывшихся, которые то ли выживут, то ли не выживут; о живописи, о театре, о литературе... Временами беседа становилась шуточной, но ни на одну минуту не спадало напряжение, поскольку все четверо знали, что по крайней мере один из них — шпион. Хотя никто с уверенностью не мог бы сказать, кто это, да и сам шпион боится, что за ним тоже могут шпионить. Когда художник, актер, писатель и поэт пытаются выяснить истину, они ходят по острию ножа во имя выживания и своего искусства, надеясь, что каждый из них проявит лояльность друг к другу, к их еврейским корням, к России. При этом все они находятся под надзором ФБР.

К этому моменту Марк Шагал прошел половину своего долгого жизненного пути. Идет война, он живет в Нью-Йорке, не желает учить ан-

Джекки Вульшлегер

глийский язык и оказывается в безвыходном положении. По тем стесненным обстоятельствам, в которых Шагал оказался в Америке, нельзя было составить представления о его неистовом прошлом, когда он был первооткрывателем современного искусства на Монпарнасе, а затем и лидером авангарда в революционной России, или о его блистательном будущем, когда он станет известным и богатым. Хотя в 1943 году у Шагала в Нью-Йорке есть дилер, ему не удастся продавать много картин. В это время он работает над несколько сюрреалистическим двойным портретом в снежном лунном пейзаже, наполненном ощущением опасности. Картина называется *Entre Chien et Loup* («Час между волком и собакой»), в ней уличные фонари на своих ногах переходят мрачную дорогу, не давая света. Лицо Шагала на картине — синяя маска, лицо его жены, укутанной в красную шаль, — белая. Эти цвета наводят на мысль о трехцветном знамени Французской республики и о тоске Шагала по Франции.

В разговоре с русскими гостями Шагал возвращается к своей старой, ставшей навязчивой идее. Речь идет о семи огромных панно, которые в 1920 году он делал для Еврейского театра в Москве. Панно, написанные сияющими красками, проникнутые интенсивными ритмами, заполненные крутящимися абстрактными формами модернизма, представляют образы родного Витебска: зеленого скрипача, танцоров, свадебный пир, свадебного шута в длинном пальто, ученого талмудиста. «Теперь там моя адская работа рассыпается», — стонет Шагал. Эти панно, с их современностью и индивидуальностью, внесли важный вклад в искусство начала двадцатого века, но вызвали отвращение у Сталина. Шагал рассматривал панно как свою величайшую работу, и их судьба занимала его мысли больше, чем судьба любого родственника, живущего в России.

Все остальные, сидящие в этой тесной комнатке, боялись за свои жизни, и никто из них не прожил более десяти лет. Очаровательный, миловидный поэт Ицик Фефер, с широкой улыбкой, в больших очках — военный журналист и офицер Красной армии, любит приключения. Пишет эпическую поэму «Тени Варшавского гетто» об уничтожении евреев в Польше. Он почти готов начать любовную интригу с Идой, мо-

лоденькой замужней дочерью Шагала, обладательницей тициановских волос. Феферу есть что терять: его патриотические стихи популярны, в Советском Союзе он народный герой. Но, окруженный воздухом подозрительности, он только что связался с НКВД — секретной полицией Сталина — и теперь наблюдает за каждым шагом своего друга Соломона Михоэлса.

У Михоэлса большие глаза, быстрые движения, голос харизматичной личности и гибкое, как у акробата, тело. В Нью-Йорке он, облеченный властью авторитетного главы Еврейского антифашистского комитета, наделен показной миссией — привлечь поддержку и капиталы американских евреев для военного усиления Советов. Но его жизнь еще продолжается только благодаря войне. Связанный Лаврентием Берией с Исааком Бабелем, который был убит в 1940 году, Михоэлс был в безопасности только потому, что его положение известного актера и интеллектуала было полезно советскому режиму. У Михоэлса здесь есть еще одно тайное дело: он должен навести справки о научном докладе русского физика. Михоэлс фотографировался с Альбертом Эйнштейном, но понимал, что живет взаймы у времени, как бы успешно он ни играл роль шпиона. Для Шагала Михоэлс символизирует тропу в неизведанное — актер был его ближайшим другом в Москве, а сейчас представляет евреев, которые живут в России: «Если Михоэлс, как он говорил, когда-то учился у меня, возможно, я должен теперь учиться у него. Тогда я сам не погружался бы в свои сомнения, как в банку с краской, которая пишет еврейское лицо и душу в оттенках тайны и печали».

Хозяйка квартиры Белла Шагал как губка впитывает новости из дома. Она пытается закончить «Горящие огни»¹ — свои мемуары о русском еврействе, которые пишутся трепетной мерцающей прозой на идише, языке ее детства. «Я стремлюсь спасти свои воспоминания и не дать им исчезнуть навсегда вместе со мной», — признается она. Белла училась, желая стать актрисой, но затем последовала за Шагалом в изгнание.

¹ Книга Беллы Шагала «Горящие огни» в переводе с французского Н. Мавлевич вышла в издательстве «Текст» в 2001 г. — Прим. ред.

ужекки Вульшлезер

Она ждала от московских гостей новостей о родном городе, но дождалась лишь того, что в будущем, 1944 году, в июне, нацисты в жестоком сражении сровняли Витебск с землей. Осталось пятнадцать зданий, и из 240 000 жителей выжили только 118 человек, спрятавшихся в подвалах.

Марк Шагал, первооткрыватель современного искусства и один из величайших художников фигуративной живописи, ввел визуальный язык, на котором говорил о тревогах и ужасах XX столетия. Полотна Шагала провозглашают триумф модернизма, прорыв в искусство выражения внутренней жизни, который параллельно происходит в литературе (Пруст, Кафка, Джойс) и в психоанализе (Фрейд) и является одним из последних художественных достижений, оставленных нам в наследство прошлым столетием. В то же время, между 1914 и 1945 годами, и самого Шагала коснулись все ужасы европейской истории: революции и мировые войны, этнические преследования, убийства и изгнания. В том возрасте, в котором многие большие художники бежали от реализма к абстракции, он переводил опыт своих страданий в образы простые, непосредственные и одновременно символические, которые могли найти отклик в душе каждого человека.

Шагал оторвался от бедного, скучного окружения своего детства, но воплощал его в образах, с которыми всегда ассоциируется его творчество: деревянные избы и синагоги, скрипачи и раввины. Шагал, без особых усилий усваивая все эстетические новшества своего времени, создавал фундаментальный оригинальный стиль — в его окружении в штетле (местечке) каждодневная реальность сплавляется с воображаемым миром, демонстрируя и беды, и чудо выживания. Линия жизни Шагала развивалась в несколько этапов. Он постепенно приспособлялся, двигаясь с востока на запад, от притеснений царской, потом и Советской России к Берлину и Парижу, от нацистской Европы к Америке. Всякая с трудом завоеванная перемена давала его искусству обновление и находила в нем отклик. Однако всегда источником его творчества оставалась Россия. «В моем воображении Россия является подобной бумажному воздушному шару, подвешенному к парашюту. Сплюснутая груша шара висит, охлаждается и по прошествии лет медленно пада-

ет». В своих картинах, изображающих Витебск, Шагал превращал страх и ностальгию по своему окружению, побежденному террором, в символ памяти.

Лишь у немногих художников искусство и жизнь так тесно переплелись. Работа и каждодневное существование Шагала были равно проникнуты его навязчивой тройственной идеей — иудаизм, Россия и любовь. Можно сказать, эта идея универсально отвечала вневременным человеческим раздумьям о религии, чувстве социальной и эмоциональной принадлежности и о сексе. При этом отношения, которые питали его искусство, неоднократно грозили ему личным опустошением. Его мать, его подруга Тея, его дочь Ида и приемная дочь Джин, его жены Белла и Вирджиния, каждая по-своему, приносились в жертву. Только в третьей жене Ваве, такой же хитрой и упрямой, как и он сам, Шагал обрел себе пару, когда многое в жизни переменилось и искусство уступило место житейскому комфорту.

Особую роль в жизни Шагала сыграла его первая жена Белла. В переписке между супругами вскрываются трудные, горько-сладкие отношения, которые развенчивают образ жены-музы. Белле необходимо было участвовать еще в одной революции двадцатого века — в борьбе женщин за независимое творчество и профессиональное существование. Шагаловские портреты красноречиво рассказывают о битвах, которые вела одаренная и напористая женщина, чтобы жить своей собственной жизнью. Дерзость и надежда — в картине «Моя невеста в черных перчатках» (1909); свершение — в картине «Белла с белым воротником», написанной накануне русской революции (1917); борьба за самоидентификацию — в картине «Белла с гвоздикой» (1925); безумие — в картине «Белла в зеленом» (1934). И все-таки для Шагала Белла всегда олицетворяла собой еврейскую Россию: «С кем ее сравнить? Она была не такая, как все. Она была Башенка-Белочка, глядящая, как в зеркало, в Двину с холма Витебска, с его облаками, и деревьями, и домами». В августе 1923 года Шагал писал Белле из Парижа в Берлин, что, может быть, он хочет слишком многого — «проснуться в своем прошлом». Белла представляла собой живую связь с Россией, и это позволяло Шагалу, находясь в изгнании, развиваться как художни-